

Когда Чжу Юй получил ранение, все были в панике. Лекарь Юань заметил, что Цинь Чжун украдкой посмотрел на родинку на боку Чжу Юя, а затем, когда никто не видел, осмотрел его плечо. Лекарь Юань позже сам взглянул и увидел, что на плече Чжу Юя был вырезан знак, который он случайно узнал — это был символ народа цяньжэнь, означавший «самая красивая ночь». Самое странное было в том, что хотя Цинь Чжун был лекарем семьи Гу, он вообще не участвовал в лечении Гу Фэна после родов. Всё делал лекарь Юань, а Чжу Юй перевязывал раны. Но на этот раз, когда Чжу Юй получил ранение, Цинь Чжун взял на себя все заботы о его лечении, включая перевязки и приготовление лекарств. Особенно он забеспокоился, когда узнал, что ребёнка можно спасти только с помощью порошка Чуньшэн, и даже поссорился с лекарем Юанем. Подмастерье лекаря Юаня видел, как Цинь Чжун и Чжу Юй разговаривали за закрытыми дверьми.

Гу Мо, услышав это, удивился. Цинь Чжун был военным лекарем, его специализацией было лечение отравлений, переломов и ран. Он никогда не занимался беременностью и родами у народа цяньжэнь. Почему же он взял это на себя? Неужели он решил сменить профессию?

Ань Шаохуа же думал о более далёких вещах. В прошлой жизни дело о призрачных солдатах почему-то затронуло семью Гу, а он, который изначально занимался этим делом, был сразу же отстранён. Но поскольку это касалось семьи Гу, он всё же пытался узнать подробности. Смутно помнил, что это было связано с остатками восточных варваров. Один из них точно был Чжу Юй, но в то время, когда произошло дело о призрачных солдатах, Чжу Юй уже несколько лет как умер. Как же это могло повлиять на семью Гу?

Остатки восточных варваров. В то время восточные варвары уже почти двадцать лет как были уничтожены, и многие при дворе даже не слышали о тех старых распрах. Чтобы выяснить истину, император разрешил слухам ходить свободно, и со всех концов страны в столицу полетели доклады. Император поверил им. Семья Гу первой пострадала, лишившись военной власти. Затем последовала семья Лю, которая также была серьёзно затронута, а второй принц тоже не остался в стороне.

Восточные варвары, остатки. Ничего не мог вспомнить. Старый император восточных варваров умер уже больше десяти лет назад. Ань Шаохуа ругал себя: если бы знал, что сны будут такими важными, записывал бы их. Божественные откровения не каждому даются, а в последние дни он только спал и ни разу не видел подсказок от богов. Ань Шаохуа сделал несколько кругов по комнате и сел, по привычке постукивая указательным пальцем по подлокотнику.

Чжу Юй был маленьким принцем Куньцо, в этом не было сомнений. Вопрос в том, знал ли об этом император, знал ли сам Чжу Юй. Если знал, то... Возможно... Ань Шаохуа резко замер. Тогда всё сходится. Цинь Чжун подходил по возрасту, был связан с семьёй Гу, и, если присмотреться, действительно был похож на Чжу Юя, хотя Чжу Юй был изящным и красивым, а Цинь Чжун — величественным. Но если сравнить их черты лица, они были похожи на семьдесят процентов.

— Эр Мо, кем Цинь Чжун приходится дяде Цинь?

Когда Гу Мо раньше приезжал в столицу, он часто видел Ань Шаохуа и других товарищей. Тогда все звали его «маленький Эр Мо», и это случайное обращение немного смягчило гнев Гу Мо. Он сел рядом с Ань Шаохуа и рассказал, как дядя Цинь спас раненого и потерявшего память Цинь Чжуна на южных землях, усыновил его, а затем они вместе присоединились к армии семьи Гу.

На самом деле, это была не вся история, но Гу Мо давно решил, что если кто-то спросит, он

расскажет только это.

Закончив, все трое замолчали.

Через некоторое время Гу Мо вдруг вспомнил и спросил лекаря Юаня, как дела у Чжу Юя. Лекарь Юань улыбнулся и сказал, что Инь Юнь днём отправился в город за лекарствами и вернулся как раз вовремя, когда состояние Чжу Юя стало критическим. Чжу Юй был упрям и отказывался лечиться, пока не будет спасён ребёнок.

Инь Юнь решил спасти взрослого, отказавшись от ребёнка. Сначала Чжу Юй не соглашался, но потом Инь Юнь что-то шепнул ему на ухо, и он согласился. Ребёнок был ещё маленьким, всего месяц, и не был сформирован. Чжу Юй и так был ранен, а теперь потеря ребёнка ещё больше подорвала его здоровье. Насколько серьёзно это повлияло на него, станет известно через несколько дней.

— Через несколько дней? — переспросил Гу Мо.

— Ээ... Примерно через десять дней, может, две недели?

— Лекарь, вы обладаете чудесным даром исцеления. В вопросах беременности и родов народа цяньжэнь вам нет равных. Но почему нужно ждать полмесяца? Может, не хватает каких-то лекарств? Если скажете, мы, возможно, сможем помочь.

Гу Мо, казалось, уловил что-то неладное. Ань Шаохуа тоже насторожился.

— Ну... — Лекарь Юань перед тем, как заговорить, взглянул на Ань Шаохуа, что вызвало у того недоумение.

— Лекарь, говорите прямо.

Ань Шаохуа был в замешательстве. Почему он смотрит на меня, когда речь идёт о Чжу Юе?

Лекарь Юань недоумевал: зачем все эти люди играют в тайны? Этот Чжу, хоть и был евнухом, носил одежду телохранителя. Когда он только получил ранение, сановник Ань даже шепнул мне на ухо, что Чжу — евнух, и просил не разглашать. Разве это не должно было оставаться в секрете?

— В вопросах беременности и родов народа цяньжэнь я, конечно, кое-что знаю. Но этот... Чжу... телохранитель, он...

Лекарь Юань pokrылся потом, наконец сел, налил себе чашку холодного чая и выпил залпом.

— Обычно кастрацию проводят мальчикам в возрасте от рождения до трёх-пяти лет. Для этого есть специальные женщины, которые их мнут, и со временем они становятся бесплодными. Это делается без ножа, без шрамов, и никто не умирает. Бывает, что кастрацию проводят и в более взрослом возрасте, но с народом цяньжэнь так нельзя, потому что их тело устроено иначе. Если кастрировать их в зрелом возрасте, они не станут полностью бесплодными. Но Чжу Юй был кастрирован прошлой осенью, самое раннее — прошлым летом. Его возраст находится в промежутке, и, вероятно, тот, кто его кастрировал, не знал об этом. Поэтому в будущем у него ещё могут быть дети, но... из-за кастрации его пульс отличается от обычного пульса народа цяньжэнь, и лекарства, которые подходят им, ему могут не подойти. Я столкнулся с таким впервые, поэтому не знаю.

Лекарь Юань закончил, и все замолчали.

Гу Мо опустил голову, а через мгновение резко встал и направился к двери. Ань Шаохуа схватил его за руку:

— Шоу Синь, ты не можешь пойти.

— Я просто хочу...

— Зачем? Посмотреть? Ему сейчас не нужны зрители. Сейчас он меньше всего хочет, чтобы его видели.

Гу Мо холодно посмотрел на Ань Шаохуа, его взгляд был тёмным.

Лекарь Юань, наконец, вспомнил, что ему пора уходить, но, выйдя за дверь, вернулся:

— Второй сын Гу, не волнуйтесь. Я видел, как господин Юнь заботится о Чжу Юе, он сам всё делает.

Гу Мо кивнул и сел, погружившись в раздумья. Он просто корил себя за то, что слишком много думал о ненужном. Заботится ли Инь Юнь о Чжу Юе или о своём первенце — это не его дело. Просто он чувствовал себя неуютно в этом древнем мире, где мужчины, способные рожать, считались почти женщинами, а женщины — просто вещами. Как же это унижительно. Он понимал, что не стоит ссориться с Ань Шаохуа, ведь тот вырос в такой среде, и его мировоззрение уже сформировалось. Различия между старшими и младшими, мужчинами и женщинами для Ань Шаохуа были непреодолимыми.

Еда на столе остыла. Хотя это были овощные блюда, повар аккуратно добавил в них курицу. Теперь на поверхности еды образовались жёлтые застывшие капли жира. Даже его любимый шпинат, который он обычно обожал, теперь казался отвратительным. Всё в этой комнате, все эти люди — всё вызывало отвращение.

Он открыл дверь и вышел.

Недавно выпал снег, и холодный ветер, пропитанный сыростью, становился ещё сильнее с наступлением ночи. Он не знал, как дела у Гу Фэна, не знал, как дела у Чжу Юя.

Гу Мо почувствовал, как на его плечи легла тяжёлая шуба из белого кроличьего меха, которую накинул Ань Шаохуа.

— На улице холодно. Если тебе плохо на душе, я могу погулять с тобой?

Эти слова, казалось бы, бессвязные, принесли Гу Мо огромное утешение. Возможно, просто потому, что шуба была тёплой. Гу Мо чувствовал, как в его груди скопилась тяжёлая горечь, которую он никак не мог выдохнуть. Он вернулся в комнату, взял Копьё, Рассекающее Облака, сбросил шубу и, выйдя на улицу, почувствовал, как холод пронизывает его насквозь. Он вышел во двор и начал исполнять комплекс копьё семьи Гу. Увидев Ань Шаохуа, он бросил ему короткий меч.

Ань Шаохуа поймал меч, взвесил его в руке и подошёл ближе. Гу Мо был расстроен, но не настолько, чтобы потерять рассудок, поэтому Ань Шаохуа смог парировать его удары. Они сражались несколько минут, обменявшись десятками ударов, пока Гу Мо не вспотел и не почувствовал, как тяжесть в груди немного ослабла. Удовлетворённый, он вернулся в комнату.

<http://bllate.org/book/16674/1529624>